

V. Возвышение Москвы.

Начало Москвы. Семьсот лет слишком тому назад живописные берега Москвы реки заселены были деревнями боярина Степана Кучки. Богатым и знатным был Кучка. Сам князь Суздальский, Юрий Долгорукий, сын Мономаха породнился с ним: он женил на его дочери сына своего, знаменитого впоследствии Андрея Боголюбского. Но вскоре Юрий прогневался за что-то на боярина и казнил его, а имение взял себе. Красивое местоположение деревни

Кучкова, на высоком берегу реки Москвы посреди густых лесов, так понравилось ему, что он заложил здесь городок, то - есть огородил деревянною стеною то высокое место, где теперь находится Кремль. Городок этот назван был Москвой по имени реки, на берегу которой он был основан. В народе, однако, Москва долго ещё, по старой памяти, называлась Кучковым. В летописях Москва в первый раз упоминается под 1147 годом. В этом году Юрий, воюя за киевский престол, угощал здесь одного из своих союзников князей. Но долго Москва оставалась ещё незначительным городком. Начала возвышаться она только с XIV века, когда князья московские стали присоединять к ней соседние города и селения.

Иоанн Калита. Прочное начало будущему величию Москвы положил Иоанн Данилович, по прозванию Калита, внук Александра Невского. К этому времени у князей и у народа русского созрела мысль, что Русь может избавиться от терзания татар и от губительных междоусобиц только тогда, когда соединится под властью одного князя. Но чей же князь будет этим счастливецом? Какой город станет во главе Руси? Умный и расчётливый Иоанн Данилович решил этот вопрос в пользу Москвы.

Борьба Твери с Москвой. Ещё старший брат Калиты, Юрий Данилович, вступил в борьбу за первенство с тверским князем, Михаилом Ярославичем, дядей своим. Но он не разбирал средств, для достижения своей цели, и хотя погубил своего противника, однако и сам погиб. Вот как происходило дело. В это время все зависело от хана. Поэтому Юрий всеми мерами старался снискать милость хана, и расположение окружающих его. Он клеветал на Михаила, подкупал ханских вельмож, одаривал жён его, заискивал перед всеми, имеющими значение в Орде. Ханом тогда был Узбек. Настроенный окружающими, он, наконец, склонился на сторону Юрия, даже выдал за него замуж свою сестру Кончаку, которая, впрочем, приняла при этом православную веру. Как зять хана, Юрий получил теперь ярлык на великое княжение и с татарским войском пошёл на тверского князя. Произошла битва. Но Михаил разбил Юрия на голову, взял в плен множество москвитян и в числе их Гончаку. К несчастью, она умерла в плену. Юрий тотчас же отправился в Орду и сказал, что ею отравили. Хан страшно разгневался и потребовал Михаила к себе на суд. Все предчувствовали, что дело это не кончится добром, и потому приближенные стали советовать тверскому князю не ездить. Но Орда в это время была ещё чрезвычайно сильна; не послушаться — значило подвергнуть Русь новому нашествию татар. Михаил решил пожертвовать собою. Когда он прибыл в орду, над ним наряжен был суд. Но главный судья, которого звали Кавгадыем, был заодно с Юрием. Потому справедливого суда ожидать нельзя было. После первых же допросов несчастного князя заковали в кандалы, а на шею наложили тяжёлую колодку. Это была толстая, дубовая доска с отверстиями для шеи и для рук; она давила плечи, резала шею, и в ней нельзя было ни лечь, ни прислониться; между тем князь должен был ещё пройти с нею многие сотни вёрст. Хан в это время охотился. Охота продолжалась долго и на большом расстоянии, и все это время тверского князя водили за ханом на верёвке с колодою на плечах. Врагам, однако, мало было этих мучений князя. Они захотели ещё надругаться над ним. Раз Кавгадый с Юрием и толпою татар пришёл на площадь и сел на камне. Сбежался народ. Татарин приказал привести Михаила и поставил его перед собою на колени; при этом великого князя бранили и всячески поносили. Наконец, после долгих страданий, участь тверского князя была решена.

Сидел он в своей палатке и читал псалмы. Едва только кончилось, чтение, как вдруг вбегает отрок с испуганным лицом. «Господин княжа!» воскликнул он дрожащим голосом, «едут прямо к твоей ставке Кавгадый и князь Юрий Данилович с множеством народа». «Знаю, зачем едут», сказал печально Михаил, «убить меня». Действительно, палатка князя тотчас же наполнилась злодеями. Как дикие звери, они бросились на Михаила, повалили его на землю, били, топтали и наконец, закололи его ножом в сердце. Но Юрий Данилович сам вскоре получил достойное возмездие. Сын Михаила, Димитрий, по прозванию «Грозные Очи», узнав о гибели отца, поехал в Орду. На дороге он встретил Юрия. Мечь закипела в нём. Он не выдержал, бросился на него и убил. Впрочем, за такое самоуправство хан приказал казнить и Димитрия. В Москве после гибели Юрия стал княжить Иоанн Данилович.

Но ярлык на великое княжение хан отдал сыну Михаила Тверского, Александру. Юрий оставил по себе на Руси недобрую память. Калита понял, что, действуя так, можно возбудить ненависть в народе к роду князей московских, и тогда уже ничто не поможет им для достижения первенства на Руси, ни милость ханов, ни родство с ними. Поэтому он стал действовать совершенно иначе.

Перенесение митрополичьего престола в Москву.

Чтобы возвысить Москву в глазах народа, Иоанн Данилович постарался утвердить в ней местопребывание митрополита. Со времени введения христианской веры, митрополит, как глава русской церкви, жил в Киеве. Но после татарского разорения древняя столица Руси запустела; в ней было едва несколько сот домов. Кроме того в Киеве, по близости от татар, часто грабивших южную Русь, стало чрезвычайно беспокойно и опасно жить. Тогда митрополит переселился во Владимир. Но и здесь было не совсем спокойно от татар. Между тем, Иоанн Данилович был в дружбе с тогдашним митрополитом Петром, который отличался святостью жизни. Святой муж большею частью и жил у друга своего в Москве. Он убеждал князя построить в Кремле храм в честь Богородицы и предсказывал ему за это благословение Божие. «Если ты воздвигнешь здесь храм, достойный Богоматери, говаривал он не раз ему, то будешь славнее всех иных князей, и род твой возвеличится». Исполняя желание митрополита, Калита и заложил первый каменный храм в Москве. Это был Успенский Собор. Св. Пётр собственными руками сделал себе в стене гробницу. Здесь и положены были мощи его. Преемник Петра не хотел уже покинуть гробницы святого мужа и также остался в Москве. Таким образом, Москва сделалась местопребыванием митрополита. Это давало ей вид столицы Руси в церковном отношении. Кроме того митрополиты, живя в Москве, конечно, должны были держать сторону её князей и помогать им в разных делах. Другие князья русские очень хорошо понимали важность этого события. Они сердились, досадовали, но переменить уже дела нельзя было. Иоанн Данилович старался также придать Москве ещё большую силу и могущество. Для этого он стал прикупать к своей отчине новые города и села. Наконец он старался пробрать и расположение народа. Будучи сострадательен к нищим и убогим, Иоанн Данилович, говорят, постоянно носил с собою мешок с деньгами или калиту, чтобы раздавать милостыню, отчего и получил в народе прозвище Калиты.

Победа Москвы над Тверью. Но, действуя так искусно у себя в Москве, Калита ещё успешнее устраивал свои дела в Орде. Он часто ездил туда, представляя хану своих детей, как будущих верных слуг его, подносил ему богатые подарки, одаривал также ханских жён и вельмож. Таким образом, не прибегая к чёрной клевете и наговорам, подобно своему предшественнику, он приобрёл полное доверие хана и выжидал только первого удобного случая, чтобы отнять великое княжение у своего противника, тверского князя. Случай скоро представился. В Тверь приехал из Орды родственник хана, Чолхан или Щелкан, с большою свитою. По обыкновению татары делали разные обиды и насилия русским людям. К этому уже до некоторой степени привыкли на Руси. Но на этот раз притеснения татар вызвали сильный ропот и озлобление в тверском населении. Особенно народ волновался потому, что ходили

слухи, будто Щелкан, хочет сам сесть князем в Твери и по другим городам насаждать, также татарских князей, а русских истребить. Так как незадолго до этого татары переменили свою языческую веру на Магомедову, то в народе говорили также, что Щелкан, хочет и русских обратить силою в Тарскую веру. Молва уже назначала день, когда все это сделают татары, именно в праздник Успения. Но рано утром этот день в Твери народ восстал против татар. Восстание началось, по самому ничтожному случаю. Татары стали отнимать у одного тверяка лошадь, тот не давал. Тогда сбежался народ, и началась драка. Скоро весь город всполошился. Граждане Твери бросились к дому, который занимали татары, и осадили его. Бой продолжался целый день. Наконец, русские подожгли дом, и татары все погибли там. В этом деле принимал участие и сам великий князь тверской Александр Михайлович. Хан Узбек, узнав об этом, сильно ожесточился. Он призвал к себе московского князя, дал ему большое войско и поручил ему наказывать мятежников. Иоанн Данилович вместе с татарами страшно опустошил все Тверское княжество, а князей заставил бежать. После того великое княжение перешло к Калите, и с этих пор уже навсегда осталось за московскими князьями. Тут помог также московскому князю митрополит. Александр сначала нашёл было убежище в Пскове. Калита потребовал выдачи его, но псковичи отказали. Тогда, по убеждению Иоанна Даниловича, митрополит наложил на них отлучение от церкви. Александр, не желая быть виновником такого несчастья псковичей, сам удалился в Литву.

Собирание Руси. С того времени, как Иоанн Данилович сделался великим князем, Москва стала быстро возвышаться. Пользуясь неограниченным доверием хана, Калита получил право собирать дань для татар с удельных княжеств и доставлять ее в Орду; при этом московский князь не забывал и себя; казна его росла и богатела, а на деньги он скупал все больше и больше сел и городов, так что сыновья его получили в наследство уже по несколько десятков городов. Поэтому, Иоанн Данилович и перешёл в потомство с именем первого собирателя Руси. Вместе с расширением владений Москвы увеличилась и власть московского князя. Иоанн Калита стал уже смело поступать с удельными князьями. Так, воеводы его разгромили непокорный Ростов; с вольных новгородцев он потребовал дани; в своём княжестве не допускал споров и междоусобиц. Народ, много пострадавший от княжеских распрей, радовался, видя зачатки единой державы Руси, и в Москву теперь стали переселяться из других областей и простые люди, и бояре. Усиление Москвы было весьма благотельно, и потому, что татары стали менее грабить и опустошать Русь. «С тех пор, говорит летописец, как московский князь Иоанн Данилович стал великим князем, наступила тишина великая по всей русской земле, перестали татары воевать с нею». Прошло полстолетия, как начала возвышаться Москва, и Русь уже настолько окрепла, что под предводительством великого князя московского Дмитрия Иоанновича, внука Калиты, сделала попытку свергнуть с себя ненавистное татарское иго.

Борьба за престол. Дмитрий Иоаннович (1383—1389) остался после смерти отца своего (Иоанна II Кроткого) десятилетним мальчиком.

Дмитрий Донской.

Победитель Мамаю на Куликовом поле.

Пользуясь этим, князья суздальский и тверской изо всех сил стали хлопотать в Орде о великокняжеском престоле, но ничего не могли сделать.

Московский князь был гораздо богаче их и за него действовали в Орде бояре московские, которые уже привыкли, чтобы их князь был старшим на Руси. Поэтому ярлык на великокняжеский престол остался за Дмитрием. Мало того, князья увидели теперь, что с московским князем нет, возможности спорить о старшинстве, и отказались от него навсегда. Суздальский князь выдал за Дмитрия свою дочь, Евдокию, и впоследствии не принял ярлыка на великое княжение даже тогда, когда ему прислали его из Орды. Тверской князь отказался от ярлыка не только за себя, но и за детей своих, даже обязался, не принимать его от хана.

Св. митрополит Алексий. Весьма много помогал московскому князю в борьбе за старшинство митрополит св. Алексий. За свою строгую и благочестивую жизнь он был любим и уважаемый, всем русским народом. Молва о его святости достигла и Орды и он успел и там приобрести большое уважение. Случилось это таким образом. У жены хана, Тайдулы, три года болели глаза, и никакие средства не могли помочь ей. Тогда хан написал в Москву великому князю: «Слышал я, что Бог ни в чем не отказывает молитвам вашего владыки; пришли его ко мне, да испросит он о здравии моей супруги». Отслужив молебен в Успенском соборе, святитель поехал в Орду. Здесь он также помолился над больною ханшей, окропил её святою водою и она прозрела. С тех пор Тайдула старалась всячески изъявить святому мужу свою благодарность и признательность. Так, на его просьбу она удержала раз татар от нашествия на Русь; самому ему она подарила место в Кремле, на котором он выстроил Чудов монастырь, названный так по чуду, совершившемуся над ханшей. Монастырь этот существует доселе и в нем покоятся мощи св. Алексея. Пользуясь таким уважением в Орде св. Алексий имел большое значение и на Руси и, конечно, он употреблял его для поддержания московского князя. Ещё отцу Дмитрия он много помогал. Самого же Дмитрия Иоанновича он поддерживал и потому, что в малолетстве его был опекуном его. Так, он предавал отлучению от церкви князей, которые шли против него, налагал на них проклятие, затворял в их городах церкви и тому подобное.

Ссора Дмитрия с Мамаем. Когда возвысилась власть великого князя московского, усобицы княжеские начинают утихать и Русь год от году становится сильнее. Между тем в Орде с этого времени наступает большая неурядица. Там открывается постоянная борьба за престол. После Узбека в короткое время в Орде переменялось ханов до двадцати. Они свергали друг друга с престола, казнили, убивали. В то же время от Орды стали, отпадать части, из которых образовывались отдельные владения, враждебные друг другу. Пользуясь этим, Дмитрий Иоаннович перестал раболепствовать перед татарами, даже и дани он стал платить в Орду меньше. Но вот в Орде воцарился Мамай, который решил вернуть ей прежнее величие и силу. Сначала между московским князем и Мамаем было доброе соглашение. Мамай дал ярлык Дмитрию на великое княжение и поддерживал его в борьбе с удельными князьями. Но скоро это согласие нарушилось. Поводом послужило, следующее обстоятельство. В Нижний-Новгород прибыло татарское посольство с огромною свитою; татары по обыкновению начали производить разные притеснения и обиды русским людям. Нижегородцы, страдали в это время от голода и мора, свирепствовавшего по всей русской земле, не могли вытерпеть насилие татар; начались ссоры и драки. Однажды татары, спасаясь от озлобленных нижегородцев, бросились на дверь епископа, но тут, во время свалки, стрела, пущенная с татарской стороны, попала в мантию епископа; народ ожесточился, дружно выпал на татар и перебил их всех; погибло их тут тысячи полторы. Мамай озлобился, узнав об этом. В отмщение он стал посылать отряды татар грабить Русь. Один такой отряд, шёл и на Москву. Но великий князь предупредил татар. Он выступил навстречу и на берегах реки Вожи разбил их. Это ещё более раздражило Мамаю. Он стал собирать все свои силы, послал нанимать войско на Кавказ и в Крым, вступил в союз и с Литвою. Одним словом, он хотел напомнить русским времена Батыея. В порыве гнева Мамай грозил даже посягнуть на самую веру нашу. «Возьму землю русскую, говорил он, разорю христианские церкви, их веру, переменю на свою и заставлю кланяться Магомету; где были у них церкви, там поставлю мечети; посажу баскаков по великим русским городам и перебью всех русских князей». Но Дмитрий Иоаннович не уstraшил грозного нашествия.

Он разослал гонцов по восьми русским городам, призывая князей и народ ополчиться против татар, постоять за веру и отечество. И вот начали сходить к Москве рати со всех концов земли русской; пришёл и тверской князь, недавно соперник Димитрия, прислали ополчение и вольные новгородцы. Один только рязанский князь, Олег не пришёл сам и не прислал своего войска. Но он сделал это не потому, что не хотел постоять за общее дело, а потому, что ему жал было своей земли. Она была первая, в которую татары должны были вторгнуться и если бы он пошёл против Мамаю, то татары прежде, нежели были бы встречены русскими, страшно опустошили бы её.

Преподобный Сергей. Перед выступлением в поход, Димитрий Иоаннович отправился в Троицкий монастырь. В то время, как возвышалась Москва, неподалёку от неё, в 60 вёрстах, возник новый монастырь, который оказал много услуг России, сделался одною из главных святынь её и до сих пор привлекает к себе целые толпы молельщиков. Основателем его был св. Сергей Радонежский. В страшные времена татарского владычества, русские люди находили единственную от раду и утешение в молитвах к Богу, и потому, многие удалялись в леса и пустыни, и там основывали монастыри; в одном XIV в. их основано было до 80. Сергей был сын ростовского боярина, но рано почувствовал призвание к монашеской жизни; ещё, будучи отроком, изнурял себя постом и по целым ночам молился; достигши же юношеского возраста, он начал проситься у родителей в пустыню; отец и мать удерживали его до своей смерти; но едва только он схоронил их, как удалился вместе с старшим братом в леса; здесь они своими руками срубили себе сначала келью, а потом маленькую церковь, которая освящена была во имя. Св. Троицы. Житье братьев — отшельников было трудное: кругом дремучий лес; ни души человеческой, но было видно; только звери своим диким воем, да птицы своим пением и щебетанием нарушали однообразие их жизни. Старший брат не вынес такой жизни и ушёл в Москву в монастырь. Сергей же остался и продолжал подвизаться; иногда он так ослабевал от недостатка пищи, что едва мог дотащиться до источника, чтобы утолить жажду. Только после двух лет такой подвижнической жизни к Сергию начали приходиться иноки и селиться около его кельи; они выбрали его своим игуменом. Так основался Троицкий монастырь. Молва о подвигах святого мужа, скоро после того разнеслась по окрестностям и к нему стали отовсюду стекаться за советом и благословением и простые люди, и знатные, и даже князья. Многие оставались жить тут, и около монастыря выстроился посад. Св. митрополит Алексей хотел, чтобы Сергей был после него митрополитом, но он, по смирению своему, отказывался от такого высокого сана. Святой муж был ещё жив теперь и к нему - то пришёл великий князь Димитрий Иоаннович за благословением. Игумен устроил трапезу для князя и его свиты. За трапезою Димитрий увидел двух монахов братьев. Они были рослы, плечисты и мужественны на вид. Одного звали Пересвет, а другого Ослябя. В миру они были боярами и слыли за богатырей, но отреклись от мирской суеты. Великий князь стал просить их к себе на войну. Св. Сергей взял схимы и, возложив инокам на головы, сказал: «Вот вам, возлюбленные братья, носите это вместо шлемов, пострадайте, как доблестные воины Христовы». После трапезы Сергей благословил Димитрия и окропил святой водою. Старец исполнился вдохновением и пророчески сказал великому князю: «Господь Бог будет тебе помощником и заступником; он победит и низложит твоих супостатов и прославит тебя».

Поход против Мамаю. Возвратившись в Москву, Димитрий Иоаннович стал готовиться к выступлению в поход. Перед самым выходом он с князьями и воеводами молился в Успенском соборе и кланялся мощам св. Петра митрополита, который благословил в начале главенство Москвы; потом ходил в Архангельский собор ко гробам прародителей своих; между тем войска стояли наготове на Красной площади; они окроплены были уже и святою водою. Когда великий князь выехал из Кремля вместе с двоюродным братом Владимиром Андреевичем Серпуховским, ополчение двинулось из Москвы к Коломне, где назначен был сбор всех войск. Отсюда уже начался общий поход. Погода благоприятствовала походу: осенние дни были ясны и теплы, земля суха. Вёрстах в 20 - ти от Дона войска остановились. Сюда прибежали вестники из передового отряда и объявили, что Мамаю уже недалеко.

«А сколько силы у него?» спросили вестников. «И перечесть нельзя», отвечали те. Тогда Димитрий Иоаннович собрал на совет князей и, воевод и спросил: «Что делать? Переправляться ли за Дон, или ждать врага на этой стороне?» Одни говорили, нужно остаться на этой стороне, чтобы удержать за собою путь к отступлению в случае неудачи, другие, напротив, советовали не медленно же переправиться, чтобы ни у кого и мысли не было возвращаться назад без победы. В это время пришла грамота от преподобного Сергия. Святой муж снова ободрял великого князя надеждою на помощь Бога и Пречистой Богородицы. Тогда решено было переправляться. «Честная смерть лучше худой жизни, говорил Димитрий; уж лучше было совсем не ходить против безбожных татар, чем, пришедши и ничего не сделавши, возвращаться назад. Так, пойдёмте же за Дон и изложим свои головы за святые церкви и за православных христиан». Войско двинулось к Дону; немедленно же стали строить мосты и искать броды. Между тем прискакал начальник передового отряда. Он уже бился с татарами. «Только одна ночь между нашими и их полками, говорил он, вооружайся, княжа, завтра нападёт на нас Мамай». Войско наше переправилось через Дон накануне праздника Рождества Богородицы и расположилось на Куликовском поле при впадении речки Непрядвы в Дон. Тут сосчитали его. Оказалось более полутора ста тысяч. Между тем мосты приказано было сломать. Наступила ночь, тёплая и тихая. Об этой ночи перед великим днём кровавой разделки русских с своими поработителями сохранилось такое предание. После полуночи пришёл к великому князю один воевода, Димитрий Боброк, родом волынец. Он слыл за хорошего воина и за человека, искусного в засаде. «Хочешь ли, сказал он Димитрию, я покажу тебе та приметы, по которым ты узнаешь, что случится вперёд?» Великий князь согласился. Они сели на коней и выехали в поле. Впереди у них было татарское войско, а сзади русский лагерь, и слышны были им с татарской стороны стук и крик великий, страшно выли волки и как будто дрались между собою, кричали птицы, каркали вороны и клекотали орлы. Когда же они обратились к русскому лагерю, то здесь была тишина великая; только будто от множества огней вспыхивало зарево. «Огни — это хорошая примета», сказал Оброк, «молись, княжа, и не оскудевай в вере. Но у меня есть ещё и другая примета». Он сошёл с коня, припал правым ухом к земле и долго прислушивался, потом приложил другое ухо и, вставши, поник головою и ничего не говорил, слезы капали из глаз его. Димитрий стал упрашивать его; Боброк молчал, наконец, проговорил: «Есть две приметы: одна тебе на великую радость, а другая на великую печаль. Я слышал, как земля горько и страшно плачет; на одной стороне, как будто женщина мать голосит, по-татарски о своих детях, а на другой — как будто девица поёт тонким свирельным голосом, в большой скорби и печали. Много я был в боях и знаю эти приметы. Уповай на милость Божью, княжа, ты одолеешь татар, но твоего войска падёт многое множество». Димитрий, услышав это, заплакал, а поток сказал: «Как угодно Господу, так пусть и будет». Они условились никому не говорить об этом и поехали в стан, а за ними страшно выли волки, и вороны кричали, и орлы клекотали, и было страшно в эту ночь.

Куликовская битва. Сентября 8-го дня 1380 г. рано утром войско стало готовиться к битве. Взошло солнце, но густой туман накрывал землю. Пользуясь этим, великий князь часть войска, под начальством Владимира Андреевича и Бобрика, отправил в засаду за близлежащий лес. Когда туман, рассеялся, Димитрий объехал полки и говорил: «Отцы и братья, умрём за святую веру, за святые церкви и за братьев наших; смерть тогда не в смерть, а в живот вечный». Возвратясь под свои чёрные знамёна, он помолился образу Спасителя, нарисованному на нём, снял с себя княжескую одежду и облёк въ неё любимца своего, боярина Бренко, сам же, одевшись в одежду простого воина, изъявил желание сражаться на ряду, с прочими ратниками. Окружающие стали упрашивать его стать в безопасном месте, откуда бы можно было смотреть на битву и давать ей ход и направление, но он отказался. «Я у вас первый», говорил он. «Я больше всех получал добра и теперь должен первый терпеть с вами.

Между тем показались татары. Они спускались с горы. Мамай же остался на возвышении. Страшно было смотреть, как огромные рати сходились на кровопролитие. Враждебные полчища, сначала как бы в недоумении смотрели друг на друга. Но вот из середины татарского войска выезжает богатырь по имени Теле бей и, хвастаясь своею силою и храбростью, вызывает из русских, кто бы мог померяться с ним силою. Он был огромного роста, и страшен был вид его, и не сразу нашёлся охотник сразиться с ним. Но тут выступил инок Пересвет; шлем его был накрыт схиною, возложенною на него проповедником Сергием. «Велик Бог христианский и велика крепость Его», крикнул он: «с помощью Божью я хочу переведаться с этим басурманином». Потом, взявши, благословение у священника, простившись с окружающими, инок во всю прыть понёсся на противника. Татарин также полетел к нему на встречу. Неистово столкнулись они и так крепко ударили друг друга копьями, что кони их взвились на дыбы, а сами они полетели на землю мёртвые. Вслед за тем был дан знак к битве; затрубили ратные трубы. Враги бросились друг на друга, и началась сеча, какой, по сказанию современников, не было ещё на Руси. Дрожала земля, гудели окрестные холмы от крика и стопа ратников, от топота и ржания коней, от стука оружия; кровь лилась, как вода на пространстве десяти вёрст; бились не только издали, но и в рукопашную; задыхались от тесноты, умирали под конскими копытами; от наваленных трупов, коням нельзя было ступать по земле. Долго не пересиливали ни Русь, ни Орда. Наконец татары, которых было гораздо больше, чем русских, стали одолевать. Они добрались до великокняжеского знамени, под которым сидел на коне боярин Бренко, убили его, изрубили знамя и перебили много князей и воевод; под великим князем также убили коня, он сел на другого, но и этого сразили татары. Димитрий Иоаннович исчез в кровавой схватке. Чем дальше, тем все хуже и хуже становилось русским, тем сильнее побивали их татары; пешее русское войско, по выраженью летописца, лежало как скошенное сено. Все это видели Владимир Андреевич и Оброк, стоявшие в засаде. Русские плакали, видя гибель братьев своих, и давно порывались ударить на татар. Но, опытный в брани, Оброк удерживал их. «Не пришёл ещё наш час», говорил он, «кто не в пору начинает, тот себе беду наживает». Но вот, в исходе третьего часа, когда татары считали себя уже победителями, засадному русскому войску подул попутный ветер. Тогда Оброк сказал: «Отцы и братья! приспел час, и настало время. Идём, и да поможет нам благодать. Св. Духа». Как соколы налетают на журавлиное стадо, так русские, выскочившие из засады, бросились в тыл на татар. Появление свежего войска с той стороны, откуда его совершенно нельзя было ожидать, навело ужас на татар. «Горе нам, кричали они; Русь перехитрила нас; худых мы перебили, а лучшие теперь на нас обрушились». Татары сначала слишком горячо напали, а теперь у них и кони утомились, и руки ослабели, и ноги их устали, и не видели они в страхе, где свой, где чужой, куда им деться. Русские между тем продолжали их бить и колоть и справа, и слева, и спереди, и сзади. Татары, наконец, дрогнули и побежали. Сам Мамай пустился также бежать. К вечеру, когда уже победа наша была полная, Владимир Андреевич остановился на поле и приказал трубить сход. Все оставшиеся в живых собрались, но между ними не было великого князя. «Где брат Димитрий» тревожно спрашивал Владимир. Одни говорили, что видели его, как он бился с татарами, другие — как раненый и утомлённый, он шёл с побоища. Тогда начали усердно искать его. Долго искали. Наконец, нашли лежащим в дубраве под ветвями срубленного дерева. Он едва дышал; глаза его то открывались, то закрывались, ему помогли встать; оказалось, что все доспехи его были изсечены, но смертельной раны нигде, не было. Пришедши в себя и узнавши, в чем дело, Димитрий Иоаннович воскликнул: «Сей день, его же сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся в он». Потом он сел на коня и поехал осматривать побоище. Он слышал стоны умирающих, он видел копнами наваленные тела убитых, под ними струились потоки крови; много князей и бояр, и воевод встретил он на поле положившими жизнь свою за веру и отечество; узнал он между ними любимого своего, боярина Бренка, узнал и инока Пересвета. «Вот, братья, наш начальник!» сказал великий князь; «вот он, провозвестивший нам победу поражением подобного себе богатыря. Князья и сыны русские! Так следует служить вам». Восемь дней после того оставались русские на Куликовском поле и

отбирали там христиан, чтобы с честью похоронить их, и все - таки не могли всех отобрать. За Куликовскую победу Дмитрий Иоаннович получил в потомстве прозвание Донского, а Владимир Андреевич прозван Храбрым. Но как ни славна была эта победа, она ещё не освободила русских от ига татарского. В это время в азиатских степях произошёл новый переворот. Там явился новый завоеватель, подобный Чингисхану, Тамерлан, который покорил много азиатские народы. Сподвижник его Тохтамыш вторгся в Европу, встретил Мамаю,

бежавшего с Куликова поля, и снова разбил его. Мамай бежал в Крым и там был убит. Но в Орде воцарился сам Тохтамыш и потребовал от русских снова дани и покорности. Дмитрий Иоаннович отказал. Тогда Тохтамыш с многочисленным войском пошёл на Москву. И не смог великий князь выставить против него рати; слишком много погибло на Куликовом поле. Между тем Тохтамыш неожиданно явился под Москвой, обманом взял её, разграбил и сжёг. Дмитрий Донской должен был снова признать себя данником татар. Тем не менее, Куликовская битва показала русским, что татар можно побеждать, если только сражаться с ними вместе, а не поодиночке, как было прежде. С этих пор из Москвы, начавшей соединять Русь в одно государство, стала светиться надежда на полное освобождение от ига татарского. Поэтому память о Куликовской битве до сих пор живёт в народе, в его песнях и сказаниях. Церковь же постановила на вечные времена поминать в Дмитриевскую субботу павших в этой битве. В царствовании же императора Николая Павловича, на месте Куликовской битвы был поставлен памятник.

